

Дячук Т. В. Инфантилизм народа как тема очерковой прозы писателей-народников / Т. В. Дячук // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 222—237. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-222-237.

Dyachuk, T. V. (2020). Infantilism of the People as the Theme of the Essay on the Prose of Writers-Populists. *Nauchnyi dialog*, 2: 222-237. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-222-237. (In Russ.).

УДК 821.161.1“188”+82-43

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-222-237

ИНФАНТИЛИЗМ НАРОДА КАК ТЕМА ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЫ ПИСАТЕЛЕЙ-НАРОДНИКОВ

© Дячук Татьяна Владимировна (2020), orcid.org/0000-0001-6834-9944, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (Санкт-Петербург, Россия), dia4uk.tanya@yandex.ru.

В статье впервые исследуются очерки писателей-народников (Г. И. Успенского, Н. Н. Златовратского, Ф. Д. Нефедова, Н. Е. Каронин-Петропавловского) в аспекте темы детства. Преимущественное внимание в статье уделено творчеству ведущих писателей-народников, постоянных сотрудников журнала «Отечественные записки» — Н. Н. Златовратского и Г. И. Успенского. Утверждается, что в народнической прозе крестьянские дети чаще всего изображались как обреченные на смерть. Писатели-народники акцентировали отношение к детской смерти самих крестьян, отмечая при этом их социально-нравственный инфантилизм. В статье анализируется цикл Успенского «Из деревенского дневника», в котором писатель рассматривал проблему вины и ответственности народа за свои поступки. Доказывается, что невинность крестьянина была отождествлена Успенским с детской невинностью. Как демонстрируется в настоящей статье, всю меру ответственности за социальное зло, совершаемое в народной среде, писатели-народники возлагали на русскую интеллигенцию. Перед нею они ставили задачу духовной поддержки и практической помощи крестьянству в античеловеческих условиях капитализма. Таким образом, тема детства в народническом дискурсе имела сложное социокультурное содержание, обусловленное представлением о народе как о ребенке, переживающем трудный этап взросления.

Ключевые слова: народническая проза; Г. И. Успенский; Н. Н. Златовратский; Н. Е. Каронин-Петропавловский; идея детства.

1. Введение

Очерковая проза писателей-народников (Г. И. Успенский, Н. Н. Златовратский, Ф. Д. Нефедов, Н. И. Наумов, Н. Е. Каронин-Петропавловский, Г. А. Мачтет и др.) недостаточно востребована современной филологической наукой. Еще со времен В. И. Ленина и Г. В. Плеханова к литературно-

му народничеству относились как к явлению идеологически сомнительному и не вполне соответствующему требованиям эстетики. С конца 1930-х годов установился взгляд на народничество как на «грехопадение русской общественной мысли» [Белкин, 1960, с. 125], а народническая литература, отождествляемая с идеологией, обвинялась в наивной идеализации крестьянства. Замечательный советский историк Б. П. Козьмин справедливо говорил о том, что немногочисленные историко-литературные работы 1930—1950-х годов, посвященные народничеству, имели «скорее обличительный, нежели исследовательский характер» [Козьмин, 1961, с. 638]. Ситуация изменилась в начале 1960-х годов, когда на страницах журнала «Вопросы литературы» была развернута дискуссия о народничестве («Вопросы литературы» 1960 № 2, 4, 7, 9, 10; 1961 № 2). В ряде исследований, появившихся вслед за журнальной полемикой (А. П. Спасибенко [Спасибенко, 1968], Н. И. Соколов [Соколов, 1968], М. С. Горячкина [Горячкина, 1970] и др.), был поставлен вопрос о своеобразии поэтики народнической прозы. Исследователи выявили сложность и неоднородность этого литературного явления. Во-первых, в составе народнической прозы была выделена и проанализирована в своих художественных и функциональных свойствах агитационная бесцензурная литература, используемая для чтения в народной среде: пропагандистские сказки и воззвания к крестьянам [Соколов, 1968, с. 100—155; Агитационная ..., 1970] (в настоящее время бесцензурная литература революционного народничества успешно изучается в рамках рецептивной эстетики [Сафронова, 2019]). Во-вторых, была определена специфика жанра народнического романа, названного современным исследователем «романом героической личности» [Затеева, 2010, с. 179] — о жертвенном пути интеллигента-народника (романы В. В. Бervi-Флеровского, Н. А. Арнольди, С. М. Степняка-Кравчинского, Ф. Н. Юрковского, К. М. Станюковича, П. В. Засодимского и др.).

Тем не менее подцензурная народническая проза, представленная главным образом очерковыми произведениями о крестьянстве, продолжала рассматриваться исключительно в свете ленинской точки зрения на идеологию народничества [Фохт, 1960, с. 130—131]. Утверждалось, что «ленинская концепция народничества имеет принципиально важное значение не только для историков, но и для литературоведов» [Кузнецов, 1960, с. 126]. Поэтому во всех историко-литературных исследованиях в качестве исходного тезиса были приняты слова Ленина об «иллюзиях» народников, якобы идеализировавших крестьянство. Однако изучение очеркового творчества писателей-народников убеждает в предвзятости этого мнения и требует обновления исследовательских подходов. Так, некоторые совре-

менные исследователи, «реабилитируя» эстетику народнической прозы, рассматривают ее генезис и специфику в русле мифопоэтической традиции славянского фольклора [Власенко, 2005; Чеботарева, 2015].

В настоящей статье речь пойдет о том, каким увидели писатели-народники крестьянское детство, а также об обусловленности взглядов писателей их представлением о социально-нравственном инфантилизме народа. Анализ средств и рецептов его преодоления — народных школ и книг для народа — не входит в задачи настоящей статьи, так как требует отдельного монографического исследования с привлечением материалов народнической публицистики и эпистолярия, а также фактов, связанных с практической деятельностью писателей-народников в качестве сельских учителей.

2. «Дети народа» как предмет изображения в народнической прозе 1880-х годов

Как известно, народники связывали надежды на светлое будущее человечества с крестьянством. Основа будущего безгрешного строя виделась им в свободном крестьянском труде на неотчуждаемой земле. Казалось бы, в крестьянских детях — «детях народа» (выражение Златовратского) — должны были воплотиться их надежды на светлое будущее. Однако в народнической прозе крестьянское детство чаще всего описывается в перспективе смерти. Например, писатель Златовратский в цикле «Деревенские будни» (1879) сообщал, что «крестьянских ребятишек мрет масса» [Златовратский, 1882, с. 47]. Наблюдая крестьянских детей в родной ему Владимирской губернии, писатель отмечал их «бледность и худобу», раздутые от голода животы, изуродованные болезнью глаза. Другой писатель-народник — Н. Е. Каронин-Петропавловский — так описывал типичного крестьянского мальчика северорусской деревни: «Яшка действительно с утра до ночи ходит с куском странного хлеба и походя жрет. Если мать не даст ему хлеба, он отыскивает какие-то нечистоты и все-таки жрет. Брюхо у него, как у австралийца, наподобие мешка, прикрепленного снаружи» («Фантастические замыслы Миная», 1880) [Каронин, 1958, с. 51]. В рассказе «Мешок в три пуда» (1881) представлен портрет крестьянской девочки: «Она была худая, полуголая девочка, нужда отразилась на всем ее худеньком и грязном тельце, рисовалась во впалых и грустных глазах, которые были постоянно широко раскрыты, как бы изумлялись, почему ей не всегда давали есть, отпечатывалась на побледневших щеках и на животе, который был постоянно надут, как пузырь» [Там же, с. 53].

Писатели-народники не были первыми, кто сообщил читающей публике о массовой смерти крестьянских детей. Факты голода, детских эпидемий

и высокой детской смертности в деревнях были известны из сообщений прессы и многочисленных документальных источников [Егорышева, 2012, с. 125]. Известно, например, внимание Л. Н. Толстого к проблеме детской смертности в крестьянском быту, его участие в публикации и пропаганде книги Е. А. Покровского «Об уходе за малыми детьми» (1890) [Поповкин, 1960, с. 41—42]. Открытие писателей-народников состояло в том, что они попытались оценить отношение самого крестьянина к детской смерти. По верному замечанию В. Б. Смирнова, писателей-народников интересовал «социально-нравственный облик мужика», а «не просто мужик как социальная единица» [Смирнов, 1964, с. 43]. Таким образом, они первыми перевели вопрос о детстве из области медицины в сферу народной нравственности, состояние которой показалось им явно неблагополучным. Так, Каронин-Петропавловский в рассказе «Деревенские нервы» (1880) писал о крестьянине Гавриле: «На своем веку он родил человек двенадцать, из которых только двое уцелели: Ивашка да дочь. Все остальные взяты были многочисленными деревенскими болезнями. Такая смертность не убила Гаврилу. Воля божья! <...> В тот год, когда у него околела телка, он несколько ночей стонал, как в бреду» [Каронин, 1958, с. 501]. Крестьянин, сокрушающийся о скотине больше, чем о собственном ребенке, вызывал зооморфные сравнения с рыбой, дубом, рабочей скотиной (см., например, Г. Успенский «Из разговоров с приятелями на тему власти земли» [Успенский, 1949, т. VIII, с. 136—139]). В одном из первых народнических романов — «Хроника села Смурино» (1874) П. В. Засодимского — о типичном крестьянине говорилось: «Василий, как и все смуринцы вообще, был рабочий скот, но такой скот, который чувствовал, мыслил и даже мог мечтать» [Засодимский, 1906, с. 67].

Попытку понять, как «мыслит» крестьянин, последовательно осуществлял Златовратский в своем романе «Устои» (1878—1882). В частности, писатель объяснял детскую смерть действием Божьего промысла: «Да, много прибирает господь по нашим деревням этих несчастных детей, этих жертв народной бескормицы и безрассветной деревенской тьмы. Много мрет ежегодно по деревням этих несчастных детей, но много остается их и в живых, наполняя наши деревни огромным контингентом тех немых свидетелей народного горя, <...> которых народ окрестил скорбными именами “блаженненьких”, “дурачков”, “юродивых”, “божьих людей”. Редко, но случается, что из контингента этих обреченных на вымирание, но спасенных волею случая калек “выправляются” настоящие люди, обыкновенно, впрочем, со слабым физическим развитием, но зато с сосредоточенной душой. Лишенные возможности подымать тяжесть полевых трудов, эти

“спасенные”, обыкновенно женщины, отдают в свою очередь все свои заботы и привязанности таким же детям, какими выросли они. И благо той деревне, где появится такая “спасенная”» [Златовратский, 1951, с. 29].

Вернувшиеся из небытия, «спасенные» дети оказываются праведниками, юродивыми, то есть людьми, отмеченными чертами святости. Их спасительное присутствие освящает жизнь деревни, придает детской смерти высокий жертвенный смысл. Именно такой «спасенной» среди умерших детей является главная героиня романа «Устои» — «благомысленная крестьянка» Ульяна Мосевна.

3. Невинность крестьянина как синоним его детской невинности: цикл Г. И. Успенского «Из деревенского дневника»

Иначе оценивал обреченное крестьянское детство оппонент Златовратского Глеб Успенский. С 1877 по 1879 год Успенский осуществил свое «хождение в народ», обосновавшись сначала в новгородской деревне, а затем в селе Сколково Самарской губернии. Из своего первого знакомства с деревней Успенский вынес сплошь негативный, травмирующий опыт. Первый «крестьянский» цикл Успенского «Из деревенского дневника» (1877—1880) не случайно вызывал у читателей ощущение «могильного смрада, словно присутствуешь на похоронах и слушаешь “вечную память”» (автор анонимной рецензии «Литературно-житейских заметок» — редактор «Недели» П. А. Гайдебуров) [Литературно-житейские ..., 1877, стлб. 1553]. За социально-экономическим планом изображения крестьянства в «Деревенском дневнике» прочитывался план бытийный. Деревня в изображении Успенского зияет зевом смерти, поглощая детские жизни.

В окончательной редакции цикл состоял из девяти «отрывков»: первые три были посвящены новгородской деревне («В северной стороне»), остальные — самарской деревне («В степи»). И в северной стороне, и в южной, по сообщению писателя, «дети мрут, как мухи» [Успенский, 1940, с. 60]. Успенский «прославляет» повествование эпизодами, в которых изображаются мертвые или умирающие дети. Писатель предлагал читателю поразмышлять над «деревенской педагогикой» [Там же, с. 204], которая превращает смерть ребенка в крестьянскую привычку, приучает крестьянина не задумываться над сохранением себя и своего потомства.

Смерть ребенка в «Деревенском дневнике» Успенского — даже насильственная — всегда случайна и необъяснима. Как говорит один из героев Успенского, «мечемся, как угорелые, ничего не понимаем, не знаем, что это, отчего, как помочь ...» [Там же, с. 160].

«Отрывок первый» заканчивается жанровой сценкой. В вагоне поезда старуха показывает соседу свой мешок. В нем — три детских трупа, завер-

нутых в тряпки. Старуха собирает мертвых детей у крестьянок, которые вскармливали сирот из приюта, и отвозит трупы на врачебное освидетельствование в город. Женщины действуют вскладчину и везут трупы тайком, потому что нет денег на билет каждой кормилице, на гроб каждому мертвецу и на заказ отдельного вагона. В «Отрывке втором» рассказывается о том, как в спящей «мертвым сном» деревне происходит убийство: пьяные мужики раздавили мальчика. «Всякий помнит только стаканчики, а потом ничего и не помнит, — потому, вино дюже хорошо попало. А мальчик лежит мертвый, на лавке, и белым холстом покрыты его изуродованные члены!.. Вчера он еще бегал, играл в лошадки, в воров, т. е. ловил вора, вел его в арестантскую, кричал “отдай деньги!”, а теперь вот — мертвый ... Как? за что? Сразу, бог знает, за что, бог знает, почему свалилась на людей беда, истинная деревенская беда, которая бьет, как гром, никому ничего не объясняя, и пришиблен человек, да как пришиблен ... Разбита, как дерево молнией, мать, ошеломлен и в глубине своей совести заклеямен ощущением ужасного преступления отец, простой, серый, работающий мужик ... Есть ли какая-нибудь возможность распутаться, разобрать что-нибудь в этом глубоком несчастье всему этому несчастному народу?..» [Там же, с. 81].

С точки зрения Успенского, в совершенном преступлении жертвами оказываются все: ребенок, его мать и даже отец-убийца. Отметим, что в «Деревенских буднях» Златовратского есть похожий эпизод — в лесу пропал деревенский мальчик. Сельский поп так комментирует этот обычный «деревенский случай»: «Думается, что не зашиб ли его отец сам случайно в лесу. Да там, с испугу и закопал, следствия испугавшись» [Златовратский, 1882, с. 16]. В очерке Златовратского ясно обозначен преступник и мотив его преступного поведения. В случае с Успенским смерть ребенка в спящей «мертвым сном» деревне не объясняется вовсе: «бог знает, за что, бог знает, почему». Мужик у Успенского является жертвой стихийных, необъяснимых сил [Успенский, 1940].

В «Отрывке третьем» Успенского рассказана история Михаила Петрова, нравственное разложение которого началось с того, что у него «незнамо от чего» умер первенец [Там же].

Тот же мортальный мотив сопровождает изображение крестьянства в части, озаглавленной «В степи»: большие голодающие дети, смерть младенца и последовавший за нею разлад в семье Кузнецовых и, наконец, групповое убийство сироты Федюшки в «Отрывке третьем» («В степи») [Там же].

История конокрада Федюшки имела широкий резонанс среди современников писателя, поскольку в ней русская крестьянская община была

представлена в крайне непривлекательном виде. Успенский рассказал историю уголовного преступления. Оставленный без попечения сирота Федюшка стал вором. Не чувствуя себя нравственно обязанным своим односельчанам-мирянам, он воровал у них лошадей. Вместе с шайкой конокрадов Федюшка был пойман и убит жителями родного села Сычовка. Убийц во главе со старостой Иваном Васильевым оправдали. Успенского волнует вопрос, каким образом «эти самые миряне оказываются невиновными, убив сироту, для которого они не сделали ровно ничего, кроме карьеры вора и осторожного жителя?» [Там же, с. 188].

Распутывая уголовную историю, Успенский использует прием, впоследствии не раз применяемый им в изображении крестьянина. Писатель объясняет поступки героя обстоятельствами его детства, тем самым упраздняя момент свободного этического выбора, осуществляемого взрослым человеком. Мужик предстает хотя и виновным с уголовно-правовой точки зрения, но с нравственной — его вина снимается. «Детскость» крестьянина противопоставляет «ответственно поступающей взрослости» [Исупов, 2007, с. 93]. Так, рассказывая историю конокрада Федюшки, Успенский возвращает его к детскому состоянию сиротства. Из взрослого преступника герой превращен в ребенка Федюшку, которому не хватило любви и заботы. Инфантильность героя окончательно закрепляется в сцене его смерти. Один из убийц спрашивает: ««Федя! — говорю, — тебе бы молочка испить?» Швелит губами, а сказать не может ... — «Испей, Федюнька, молочка-то... может отойдет ...» И что ж он мне ответил на эти слова? — «М-медку-бы» ... — чуть слышно прошептал так-то, и дух вон ... И напал на всех нас страх. Никто не думал, что убьет до смерти, всякий бил за себя, за свое огорчение, не считал, что и другие бьют» [Успенский, 1940, с. 81]. «Молочко», «медок», движение губ удостоверяют читателя в «детскости» убитого мужика, снимают с него вину за попытку грабежа. Но невиновными остаются и мужики-убийцы, убившие случайно: ведь «никто не думал, что убьет до смерти». По мнению Успенского, в крестьянине отсутствует то, что более всего ценно в человеке, — свободно и ответственно поступающая личность. Позже, в 1882 году, в знаменитом цикле «Власть земли» Успенский нашел формулу, снимающую ответственность с крестьянина, подчиняющегося могущественной «власти земли»: «она забрала его в руки без остатка, всего целиком, но за то он и не отвечает ни за что, ни за один свой шаг. Раз он делает так, как велит его хозяйка-земля, он ни за что не отвечает: он убил человека, который увел у него лошадь, — и невиновен, потому что без лошади нельзя приступить к земле; у него перемерли все дети, — он опять не виноват: не родила земля, нечем кормить было ...»

[Успенский, 1949, т. 8, с. 28]. Позицию Успенского в вопросе об ответственности крестьянина удачно сформулировал критик Серебряного века Евгений Соловьев (Андреевич): «Мужик не виноват ни в чем: он не может быть ни в чем виноват, — он никогда ни в чем виноват не бывает» [Соловьев, 1931, с. 206].

Невиновность крестьянина отождествляется с его детской невинностью. Один из эпизодов цикла «Волей-неволей (Из записок Тяпушкина)» связан с изображением экзекуции арестантов. Среди звуков ударов «тянется протяжный, непрерывный, жалобный крик крошечного ребенка ... Нет! это не ребенок кричит ... это тот ... Это огромный какой-то кричит детским голосом ... Боже мой, где мой отец?» [Там же, с. 382]. В символическом подтексте цикла это младенческий крик народа, взывающего к Небесному Отцу (ср. вопль умирающего Иисуса в Евангелии от Матфея 27: 46 «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»).

Успенский настойчиво сравнивает народ с ребенком. Крестьянину свойственна «детская радость» [Успенский, 1940, с. 57] и «детская наивность» [Там же, с. 69], в городе он ведет себя «как малый ребенок» [Там же, с. 124], но с той же «наивностью ребенка» [Успенский, 1949, т. 8, с. 469] может проломить кому-нибудь голову (очерк «Не случись»). И вместе с тем «ребенок душой, он (крестьянин. — Т. Д.) — как взрослый человек — мелочной, сухой и жёсткий практик» [Успенский, 1940, с. 43]. В «практика» крестьянина, по убеждению народников, превращает складывающийся во второй половине XIX века капиталистический порядок.

4. Народ-«дитя» и русская интеллигенция перед лицом капитализма

В 1870-х годах крестьянство, только недавно освободившееся от крепостной зависимости, столкнулось с новым испытанием — капитализмом, который народники считали главным врагом человечества [Блохин, 2009, с. 122—132]. Так, например, Успенский обличал новый социально-экономический порядок в ярких метафорах: «Господин Купон», «блудей-капитал», «попросту Антихрист». Засодимскому русская деревня представлялась запечатанной «антихристовой печатью» (ср. первоначальное название романа «Хроника села Смурино» — «Печать Антихриста»). В рассказе писателя-народника Г. А. Мачтета «Мы победили» (1884) из цикла «Рассказы о сибирской жизни» тема разращения народа-ребенка заявлена чрезвычайно остро. Речь в рассказе идет об обнаруженной в сибирской тайге незарегистрированной раскольничьей деревне. Интеллигентные представители светской и духовной власти отправляются на покорение «дикарей» [Мачтет, 1958, с. 119]. Увидев «цивилизаторов», народ заплакал,

и «плач был совершенно детский» [Там же, с. 126]. Победа (напомним, что рассказ называется «Мы победили») утверждается строительством домика с вывеской «Распивочно».

Победному шествию «блудодя-капитала» писатели-народники могли противопоставить только художественное слово. Тем не менее и это было оружием. В книге «Беседы о ремесле» (1931) А. М. Горький вспоминал: «Глеб Успенский будил в нас какое-то особенно тревожное и актуальное чувство; Грейман очень удачно определил его, рассказав, что после чтения книг Глеба Успенского хочется сделать что-нибудь решительное, как делали это жители Брюсселя после первого представления оперы Мейербера “Пророк”, — они пошли ко дворцу короля требовать конституции» [Горький, 1953, с. 342].

Писатели-народники вызывали в читателях «тревожное и актуальное чувство», изображая, в числе прочего, детские страдания. Если в деревне крестьянских детей ожидали «смертоносные случайности» [Успенский, 1940, с. 107], то смерть несовершеннолетнего фабричного представляла как закономерность. Народники наблюдали ее действие в центрах фабричной промышленности, таких, например, как село Иваново. Уроженец этого промышленного села писатель-народник Ф. Д. Нефедов назвал его «русским Манчестером» [Нефедов, 1937, с. 3]. Описанию обычаев и нравов ивановцев, сменивших «труд земледельческий» на «труд фабричный» [Там же, с. 6], Нефедов посвятил цикл «Наши фабрики и заводы» (1872). Рассказчик посещал ситцевые фабрики, наблюдая нечеловеческие условия работы детей: шум машин, смрад, выедающий глаза, нестерпимая духота, жар. В цехах дети работали нагишом, до неузнаваемости покрытые пылью. В последнем — печатном цехе — Нефедов наблюдал, как при сорокапятиградусной жаре по колено в воде работают мальчики, наматывая миткаль на сушильные барабаны. На вопрос писателя о дальнейшей судьбе «младенцев-работников» — «Что за люди впоследствии выходят из всех этих мальчуганов» [Там же, с. 32]) — хозяин фабрики отвечал: «Бог знает, куда они у нас деваются, мы уж как-то их не видим после. — Как не видите?! — Да так, высыхают они. Я принял это выражение за чистую метафору. — Вы хотите сказать, что впоследствии они переменяют род своих занятий или перейдут на другую фабрику? — опять спрашиваю. — Нет, просто высыхают, совсем высыхают! — отвечал серьезно фабрикант» [Там же, с. 33]. Успенский в очерке «Книжка чеков» (1876) оценил стоимость жизни фабричного ребенка: «Фабричная женщина <...> знает, что цена ее мальчонке долгое время будет гривенник, потом двугривенный и так до рубля, а уж дальше ничего, ничего не будет!» [Успенский, 1949, т. 4, с. 33].

Нефедов и Успенский описывали эксплуатацию детского труда в середине 1870-х годов, еще до принятия в 1882 году первого фабричного закона «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» [Синова, 2014, с. 24]. Но даже эта законодательная мера не могла остановить процесса закабаления крестьянских детей в фабричном производстве.

В позднем рассказе «Петькина карьера» (1887) Успенский поведал типичную историю крестьянского мальчика, который превращается в «машинного человека», обеспечивает своих родителей, то есть выполняет социальную роль «кормильца». Однако «Петькина карьера» устремлена не в будущее, как могло показаться читателю, а к неизбежной скорой смерти. Писатель предвидит «те горячие слезы, которые польются из глаз Петькиной матери, когда, наконец, придет бумага, где будет сказано, что Петька перестал надоедать и с экстренным поездом железной дороги отвезен на Преображенку. — И где же ты, солнышко мое золотое? И кто же теперь меня, старую, вспомнит, приготит! Дитяtko мое ...» [Успенский, 1953, с. 92].

В рассказе Златовратского «Триумф художника» (1884) тема детских страданий раскрыта в притче о художнике, который изобразил на картине евангельский эпизод — Христос с детьми. «Триумф» художника сменяется отчаянием, когда он видит реальных измученных работой и голодом фабричных детей, которым, по христианскому обетованию, принадлежит Царство Небесное. Художник понимает, что нужно «новое творческое воплощение Христа... Христа для “малых сих”» [Златовратский, 1988, с. 456].

В прозе народников конца 1880-х значительное внимание уделено переселенческому движению как единственной возможности устроить безгрешную жизнь вдали от пагубного влияния капитала. В написанных в 1888 году «Письмах с дороги» Успенский описывал русских мужиков-переселенцев в образах ангелоподобной детскости: «Выражение лиц и в особенности глаз у всех этих, мягких в суставах, нежных в телосложении людей всякого пола и возраста было почти детски наивное: у ребятишек, пожалуй, еще и играли в глазенках искорки любопытства, но у пышных баб и “нежных” молодых мужиков — ничего, кроме светлой, чистейшей наивности, не выражалось. По глазам трудно было отличить бабу от мужика, а обоих вместе от ребенка» [Успенский, 1952, с. 194—195].

Задача интеллигента, по убеждению писателей-народников, состоит в поддержке народа в период его социального «взросления». Бывший народник, а впоследствии марксист Г. В. Плеханов обозначил 1880-е годы как процесс «исчезновения крестьянской непосредственности, выход народа из детского периода его развития» [Плеханов, 1948, с. 559]). Именно поэтому все писатели-народники были озабочены практическим решением про-

блем нравственного воспитания и образования крестьян. Марксистский критик М. П. Неведомский заявлял, что народники «в своем народолюбчестве были именно опекунами народных масс» [Неведомский, 1931, с. 246].

5. Заключение

Таким образом, в народнической очерковой прозе народ представлен инфантильным, его детский статус обусловлен неразвитостью нравственного начала. Но в то же время детскость крестьянина освящена, и на ней лежит ответ Христовой любви к детям. Вся мера ответственности возложена на «опекунов» — русскую интеллигенцию, которая обязана помочь «взрослеющему» народу избежать «соблазнов» капитализма. Поэтому писатели-народники бескомпромиссно осуждали «большую совесть» русской интеллигенции (очерк Успенского «Больная совесть», 1873) и с надеждой искали в ее среде «золотые сердца» (повесть Златовратский «Золотые сердца», 1878). В цикле «Без определенных занятий» (1881) Успенский рассказал историю о ... гусях. Дело происходило в голодающей деревне ранней весной. Во время бурана стая диких гусей была замечена снегом на крестьянские дворы. Голодные крестьяне обрадовались чуду, принесли их в теплые избы, отогрели, а потом выпустили на волю. И только позже сообразили, что гусей, пожалуй, можно было и съесть. Успенский завершал свой рассказ словами: «Видите, какое чудное детское сердце! Но пора ему быть и мужественным, то есть мужать в благородных требованиях и благородных порывах. Ведь уж он большой; совсем большой человек, этот крестьянин!.. А чтоб быть мужественным, надо работать, работать ...» [Успенский, 1950, с. 225]. Писатель, разумеется, имел в виду не только физический труд, а духовную работу — созидание в народе нравственной, ответственно поступающей личности.

Источники

1. *Засодимский П. В.* Хроника села Смурина: (Из жизни рус. крестьянина) / П. В. Засодимский (Вологдин). — Санкт-Петербург : Издательство «М. Д. Орехова и К°», 1906. — 207 с.
2. *Златовратский Н. Н.* Деревенские будни / Н. Н. Златовратский. — Санкт-Петербург : тип. А. А. Краевского, 1882. — 254 с.
3. *Златовратский Н. Н.* Деревенский король Лир : Повести, рассказы, очерки / Н. Н. Златовратский. — Москва : Современник, 1988. — 684 с.
4. *Златовратский Н. Н.* Устои. История одной деревни / Н. Н. Златовратский. — Москва : ГИХЛ, 1951. — 542 с.
5. *Каронин С. (Н. Е. Петропавловский)* Сочинения в двух томах / С. Каронин. — Москва : Гослитиздат, 1958. — Т. 1. — 612 с.

6. *Мачтет Г. А.* Избранное / Г. А. Мачтет. — Москва : Гослитиздат, 1958. — 615 с.
7. *Нефедов Ф. Д.* Повести и рассказы / Ф. Д. Нефедов. — Москва ; Иваново : Государственное издательство Ивановской области, 1937. — Т. 1. — 285 с.
8. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1949. — Т. IV. — 724 с.
9. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1940. — Т. V. — 484 с.
10. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1950. — Т. VII. — 547 с.
11. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1949. — Т. VIII. — 647 с.
12. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1953. — Т. X. — Книга 1. — 648 с.
13. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1952. — Т. XI. — 711 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агитационная литература русских революционных народников : Потаенные произведения 1873—1875 гг. / Вступительная статья В. Г. Базанова ; подготовка текстов и комментарии О. Б. Алексеевой ; ответственный редактор В. Г. Базанов ; АН СССР. Институт русской литературы. (Пушкинский дом).* — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1970. — 498 с.
2. *Белкин А.* Народники и революционные демократы / А. Белкин // Вопросы литературы. — 1960. — № 2. — С. 116—132.
3. *Блохин В. В.* Очерки истории народнической мысли второй половины XIX века : Н. Г. Чернышевский, Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко, Н. Н. Златовратский / В. В. Блохин. — Москва : Современная экономика и право, 2009. — 208 с.
4. *Власенко Е. Ю.* Функции архетипов и архетипических образов в произведениях П. В. Засодимского : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. Ю. Власенко. — Ульяновск, 2005. — 163 с.
5. *Горький А. М.* Собрание сочинений : в 30 т. / А. М. Горький. — Москва : ГИХЛ, 1953. — Т. 25. — 520 с.
6. *Горячкина М. С.* Художественная проза народничества / М. С. Горячкина. — Москва : Наука, 1970. — 216 с.
7. *Егорышева И. В.* Проблема детской смертности в трудах земских врачей / И. В. Егорышева // Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья РАМН. — 2012. — № 1. — С. 45—47.
8. *Затеева Т. В.* Концепция личности как жанрообразующий потенциал народнического романа / Т. В. Затеева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 10. — С. 177—181.
9. *Исупов К. Г.* Детскость (Из авторского словаря «Космос русского самосознания») / К. Г. Исупов // Общество. Среда. Развитие. — 2007. — № 2 (3). — С. 91—94.
10. *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России : Избр. Труды / Б. П. Козьмин. — Москва : Изд-во АН СССР, 1961. — 767 с.

11. Кузнецов Ф. Ленин о народничестве / Ф. Кузнецов // Вопросы литературы. — 1960. — № 4. — С. 119—129.
12. Литературно-житейские заметки // Неделя. — 1877. — № 46. — стлб. 1553—1558.
13. Неведомский М. П. Г. И. Успенский / М. П. Неведомский // Г. И. Успенский. — Москва : Кооперативное Издательство Писателей «Никитинские субботники», 1931. — С. 223—247.
14. Плеханов Г. В. Искусство и литература / Г. В. Плеханов. — Москва : ГИХЛ, 1948. — 888 с.
15. Поповкин А. И. Толстой и дети / А. И. Поповкин // Яснополянская школа имени Л. Н. Толстого : материалы научной сессии Академии педагогических наук РСФСР, посвящ. 100-летию Яснополянской школы. — Москва : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1960. — С. 32—55.
16. Сафронова Ю. А. Нелегальная литература для народа : читатель воображаемый и реальный [Электронный ресурс] / Ю. А. Сафронова. — Режим доступа : https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20890/.
17. Синова И. В. Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861—1914 гг. : проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга) : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.02 / И. В. Синова. — Санкт-Петербург, 2014. — 32 с.
18. Соколов Н. И. Русская литература и народничество : Лит. движение 70-х гг. XIX в. / Н. И. Соколов. — Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1968. — 254 с.
19. Соловьев Евг. (Андреевич) Г. И. Успенский / Е. Соловьев. — Москва : Кооперативное Издательство Писателей «Никитинские субботники», 1931. — С. 183—223.
20. Смирнов В. Б. Глеб Успенский и Салтыков-Щедрин : (Г. И. Успенский в «Отечественных записках») / В. Б. Смирнов. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1964. — 138 с.
21. Спасибенко А. П. Писатели — народники / А. П. Спасибенко. — Москва : Просвещение, 1968. — 430 с.
22. Фохт У. Ленинская концепция народничества и народническая литература / У. Фохт // Вопросы литературы. — 1960. — № 7. — С. 130—144.
23. Чеботарева Е. Г. Генезис, специфика и типология народнической беллетристики в литературном процессе 70—80-х гг. XIX века / Е. Г. Чеботарева. — Саратов : Издательский дом «Наука образования», 2015. — 174 с.

INFANTILISM OF THE PEOPLE AS THE THEME OF THE ESSAY ON THE PROSE OF WRITERS-POPULISTS

© Tatyana V. Dyachuk (2020), orcid.org/0000-0001-6834-9944, PhD in Philology, associate professor, Department of Humanitarian Education, The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia), dia4uk.tanya@yandex.ru.

The essays of populist writers (G. I. Uspensky, N. N. Zlatovratsky, F. D. Nefedov, N. E. Karonin-Petropavlovsky) are explored in the article in the aspect of the theme of childhood for the first time. It is argued that in populist prose, peasant children were most often portrayed as doomed to death. Narodnik writers emphasized the attitude of the peasants themselves towards the infantile death, while noting their social and moral infantilism. It is stated that in populist prose, peasant children were most often portrayed as doomed to death. Narodnik writers emphasized the attitude of the peasants themselves towards the infantile death, while noting their social and moral infantilism. The article analyzes the cycle of Uspensky "From the village diary", in which the writer considered the problem of guilt and responsibility of the people for their actions. It is proved that the innocence of the peasant was identified by Uspensky with children's innocence. As demonstrated in this article, the entire responsibility for social evil committed among the people, the Narodnik writers was placed on the Russian intelligentsia. They were set the task of spiritual support and practical assistance to the peasantry in the anti-human conditions of capitalism. Thus, the theme of childhood in the Narodnik discourse had a complex sociocultural content, due to the idea of the people as a child undergoing a difficult stage of growing up.

Key words: populist prose; G. I. Uspensky; N. N. Zlatovratsky; N. E. Karonin-Peteroplavlovsky; childhood idea.

MATERIAL RESOURCES

- Karonin, S. (1958). (N. E. Petropavlovskiy) *Sochineniya v dvukh tomakh, I*. Moskva: Goslitizdat. (In Russ.).
- Machtet, G. A. (1958). *Izbrannoye*. Moskva: Goslitizdat. (In Russ.). Nefedov, F. D. (1937). *Povesti i rasskazy, I*. Moskva; Ivanovo: Gosudarstvennoye izdatelstvo Ivanovskoy oblasti. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1940). *Polnoye sobraniye sochineniy, V*. Moskva; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1949). *Polnoye sobraniye sochineniy, IV*. Moskva; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1949). *Polnoye sobraniye sochineniy, VIII*. Moskva; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1950). *Polnoye sobraniye sochineniy, VII*. Moskva; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1952). *Polnoye sobraniye sochineniy, XI*. Moskva; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1953). *Polnoye sobraniye sochineniy, X (1)*. Moskva; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Zasodimskiy, P. V. (1906). *Khronika sela Smurina: (Iz zhizni rus. krestyanina)*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo "M. D. Orekhova i K^o". (In Russ.).
- Zlatovratskiy, N. N. (1882). *Derevenskiye budni*. Sankt-Peterburg: tip. A. A. Krayevskogo. (In Russ.).
- Zlatovratskiy, N. N. (1951). *Ustoi. Istoriya odnoy derevni*. Moskva: GIKhL. (In Russ.).
- Zlatovratskiy, N. N. (1988). *Derevenskiy korol' Lir: Povesti, rasskazy, ocherki*. Moskva: Sovremennik. (In Russ.).

REFERENCES

- Bazanova, V. G., Alekseyevoy, O. B., Bazanov, V. G. (eds.). (1970). *Agitatsionnaya literatura russkikh revolyutsionnykh narodnikov: Potayennyye proizvedeniya 1873—1875 gg.* Leningrad: Nauka. Leningradskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Belkin, A. (1960). Narodniki i revolyutsionnyye demokraty. *Voprosy literatury*, 2: 116—132. (In Russ.).
- Blokhin, V. V. (2009). *Ocherki istorii narodnicheskoy mysli vtoroy poloviny XIX veka: N. G. Chernyshevskiy, N. K. Mikhaylovskiy, V. G. Korolenko, N. N. Zlatovratskiy.* Moskva: Sovremennaya ekonomika i pravo. (In Russ.).
- Chebotareva, E. G. (2015). *Genezis, spetsifika i tipologiya narodnicheskoy belletristiki v literaturnom protsesse 70—80-kh gg. XIX veka.* Saratov: Izdatelskiy dom “Nauka obrazovaniya”. (In Russ.).
- Egorysheva, I. V. (2012). Problema detskoj smertnosti v trudakh zemskikh vrachej. *Rossiyskaya akademiya meditsinskih nauk. Byulleten' Natsionalnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorovya RAMN*, 1: 45—47. (In Russ.).
- Fokht, U. (1960). Leninskaya konseptsiya narodnichestva i narodnicheskaya literature. *Voprosy literatury*, 7: 130—144. (In Russ.).
- Gorkiy, A. M. (1953). *Sobraniye sochineniy: v 30 t.*, 25. Moskva: GIKhL. (In Russ.).
- Goryachkina, M. S. (1970). *Khudozhestvennaya proza narodnichestva.* Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Isupov, K. G. (2007). Detskost' (Iz avtorskogo slovarya «Kosmos russkogo samosoznaniya»). *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2 (3): 91—94. (In Russ.).
- Kozmin, B. P. (1961). *Iz istorii revolyutsionnoy mysli v Rossii: Izbr. Trudy.* Moskva: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.).
- Kuznetsov, F. (1960). Lenin o narodnichestve. *Voprosy literatury*, 4: 119—129. (In Russ.).
- Literaturno-zhiteyskiye zametki (1877). *Nedelya*, 46: 1553—1558. (In Russ.).
- Nevedomskiy, M. P. (1931). *G. I. Uspenskiy.* Moskva: Kooperativnoye Izdatelstvo Pisateley «Nikitinskiye subbotniki». 223—247. (In Russ.).
- Plekhanov, G. V. (1948). *Iskusstvo i literatura.* Moskva: GIKhL. (In Russ.).
- Popovkin, A. I. (1961). Tolstoy i deti. In: *Yasnopolyanskaya shkola imeni L. N. Tolstogo: Materialy nauchnoy sessii Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, posvyashch. 100-letiyu Yasnopolyanskoy shkoly.* Moskva: Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR. 32—55. (In Russ.).
- Safronova, Yu. A. *Nelegalnaya literatura dlya naroda: chitalel' voobrazhaemyy i realnyy.* Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20890/. (In Russ.).
- Sinova, I. V. (2014). *Deti trudyashchegosya naseleniya v gorodskom rossiyskom sotsiume v 1861—1914 gg: problemy deviantnosti i viktimizatsii (na materialakh Sankt-Peterburga): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk.* Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Smirnov, V. B. (1964). *Gleb Uspenskiy i Saltykov-Shchedrin: (G. I. Uspenskiy v “Otechestvennykh zapiskakh”).* Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta. (In Russ.). Sokolov, N. I. (1968). *Russkaya literatura i narodnichestvo: Lit. dvizhenie 70-kh gg. XIX v.* Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta. (In Russ.).

- Solovev, Evg. (Andreyevich). (1931). *G. I. Uspenskiy*. Moskva: Kooperativnoye Izdatelstvo Pisateley «Nikitinskiye subbotniki». 183—223. (In Russ.).
- Spasibenko, A. P. (1968). *Pisateli — narodniki*. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).
- Vlasenko, E. Yu. (2005). *Funktsii arkhetyпов i arkhetyпicheskikh obrazov v proizvedeniyakh P. V. Zasodimskogo: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Ulyanovsk. (In Russ.).
- Zateyeva, T. V. (2010). Kontseptsiya lichnosti kak zhanroobrazuyushchiy potentsial narodnicheskogo romana. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 10: 177—181. (In Russ.).